

07.00.00 Historical sciences and archaeology

07.00.00 Исторические науки и археология

UDC 94 (47).084

**Family and Family Relationship in Oral Recollections by Veterans
of the Great Patriotic War ***

Tatyana P. Khlynina

Institute of Social Economic and Humanitarian Researches of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia
41, Chekhova Str., Rostov-on-Don 344006
Dr. (History)
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract. The article is focused on the perception of family and family relationship by the veterans of the Great Patriotic War, considers the features of the representation of most important sphere of private life in the individual memory, marks the Hawthorne effect on the process of recollection. The author comes to a conclusion of extremely complicated and discrepant interaction of different circumstances, defining the dynamics of family and family relationship state in the considered period of time.

Keywords: family; family relationship; Great Patriotic War; depth interview; Hawthorne effect; "grey area".

Введение. В официальной риторике советского государства тема семьи и семейных отношений всегда занимала особое место. Строительство нового общества и формирование социалистического уклада жизни требовали и кардинальных изменений в устройстве его будущей ячейки. Пройдя непростой путь от «свободного союза трудовых устремлений мужчины и женщины» до законодательно оформленных отношений между ними, институт семьи накануне и в годы Великой Отечественной войны оставался, пожалуй, одной из немногих сфер общественной жизни, в которых усиливались позиции государства. Ее значение возрастало и в связи с необходимостью создания новых форм сохранения и передачи рождающихся традиций воспитания советского человека.

Материалы и методы. В литературе советского, да и постперестроечного времени изучение вопросов, связанных с семьей и семейными отношениями, как правило, не выходило за пределы их правовой регламентации, социального патронирования и демографических характеристик. Потребность в их содержательном наполнении, собственно, и послужило причиной проведенного в октябре – декабре 2012 г. глубинного интервьюирования участников Великой Отечественной войны*. Среди разнообразных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941 – 1945)», проект № 12 – 01 – 00127.

* В процессе интервьюирования было опрошено 20 чел. в возрасте от 95 (1917 г.р.) до 79 лет (1933 г.р.). Из них – восемь мужчин, встретивших войну в возрасте 21 – 14 лет, и 12 женщин, возраст которых на тот момент времени составлял от 21 до 8 лет. Часть респондентов воевали и прошли боевой путь рядовыми пехоты и санитарных батальонов; часть – пережили войну в эвакуации и на оккупированной территории. Подавляющее большинство опрошенных – уроженцы Ростовской области, и только пятеро родились за ее пределами – в Москве, Ленинграде и Грозном, населенных пунктах Нижегородской области и Краснодарского края. Интервьюирование проводилось по месту жительства респондентов (13 чел.), в здании ИСЭГИ ЮНЦ РАН (5 чел.) и Краевого совета ветеранов (1 чел.), дистанционно с использованием Skype (1 чел.). Продолжительность интервью составила от 50 мин. до 150 мин. и включала в себя вопросы, связанные с разнообразными проявлениями частной жизни человека в годы войны: отношениями внутри семьи и с соседями; пространством дома, включающем в себя убранство и любимые, «потаенные уголки»; чувственного мира и его

вопросов, так или иначе связанных с ее проявлениями, ключевое место заняли вопросы о семье и семейных отношениях. Следует отметить, что именно они стали той отправной точкой и оселком, вокруг которых выстраивались биографические нарративы военного времени. Рассказы о них сводились либо к развернутым повествованиям, сопровождавшимся подробными описаниями черт характера, внешних данных и запоминавшейся манеры поведения отдельных домочадцев, либо к скупым, обрывочным фразам о составе семьи и профессиональной принадлежности ее старшего поколения. Содержание «семейных историй» зависело от состояния отношений, сложившихся между родственниками; места, занимаемого респондентами в семейной иерархии; их коммуникативных особенностей, полученного образования и приобретенного впоследствии социального статуса. Все эти обстоятельства в совокупности и предопределили плотность собранных повествований, а также морфологию и стилистику семейных нарративов.

Обсуждение. Подавляющее большинство собеседников являлись выходцами из рабоче-крестьянской среды и, если впоследствии не обзаводились гуманитарным образованием, вспоминали о ней простым перечислением родственников с указанием их профессиональной принадлежности: *«Сам я выходец из крестьян. Нас было 8 человек детей, я – самый младший»* [1]. Семьи, как правило, были большими и многопоколенными: *«Родился я в селе Вежа Кашарского района Ростовской области в семье учителя 23 сентября 1923 г. Семья наша состояла из шести человек: мама и папа, две сестры, брат младше меня на 4 года. Я был третий [по счету из детей].»* [2]. *«Отец у меня – слесарь, а семья у нас – 10 детей. Я – седьмой из детей. Моя мама – мать-героиня. Ей Золотую Звезду вручали в Кремле»* [3]. *«Родилась в Ростове, отец был где-то на 18 лет старше матери. Мать была 1904 года, а отец был инженером, служил в царской армии, в Румынии служил инженером. Дед был из Крыма, а бабка – турчанка»*[4]. Уровень образованности старших поколений колебался от «юридического факультета Петербургского университета» до «наличия 2-х – 3-х классов школы и умения писать»: *«Дед мой – профессор Ростовского университета, в свое время закончивший Петербургский университет, юридический [факультет], и работал он до революции адвокатом, юристом, у него была своя контора. Но потом революция, как всегда, все поломала в жизни... Уже в Ростове он поменял свое образование, где-то он учился, я уже не помню, конечно, но он уже стал преподавать в мединституте нормальную анатомию и биологию, уже потом в университете. Так что он был профессор и очень грамотный, очень интересный, очень красивый человек. А мама была одним из бухгалтерских работников, а отец был вообще, он тоже получил экономическое образование»* [5]. *«[Отец грамотным был, раз продавцом работал?]. Ну, два класса у него было, считался грамотный, кому заявление написать»* [6].

Отношения в них складывались по-разному и определялись самыми различными обстоятельствами: численным составом семьи и занятостью родителей: *«Отец у меня учитель. Мать – тоже некоторое время учительствовала. Потом была детьми занята. Раз они учителя, то вся наша семья была под влиянием этой профессии»* [7]; эмоциональной холодностью ее членов: *«И он [муж] вспоминает, как они пришли на станцию ростовскую. Толпа стоит, значит, эти дети, которых будут отправлять и не только дети, и люди, не имеющие детей, вот они подлежали отправке туда до определенного возраста. Да, и мама пришла его провожать. И вот настал момент, когда они попрощались и всех их отвели туда. И посадили, как Виталий рассказал, в “телячьи вагоны”. Он говорил: “Я сижу в вагоне и чувствую, что не могу, лучше умереть”. Он говорит: “Я выскочил из вагона, вагон стоял близко к выходу из вокзала. А на воротах стоял то ли немец, то ли полицейский вооруженный, ну, который охранял. Он никакого вопроса не задавал, ни воспрепятствовал, и я подбежал к матери и сказал: “Мама, я никуда не поеду”. А она ответила: “А ты подумал, что с нами будет?”». Она странная женщина была немножко. И опять же Виталий вспоминал, что когда он вернулся из Германии, через три года после этого он говорит: “Дома у нас была моя тетка”. Тетка по отцу, он ее очень любил, она его как-то поддерживала, присматривала за ним. И он*

эмоционального накала; «секретами» снабжения и индивидуальными стратегиями выживания; организацией досуга и его осуществлением.

говорил: «Тетка рыдала, увидев меня, а мать встретила меня, так как будто я приехал из пионерского лагеря»); а порой и обыденной личной неприязнью: «А бабушке отец не нравился, мама из интеллигентной семьи, очень красивая мама такая <...> И отец уехал в Сочи, исчез и уехал в Сочи. И где-то в 1932 или 1933 гг., я забыла, маленькая была, он вызвал нас. И потом бабка опять приехала за мамой, отец стал пить, и забрали нас в Ростов с мамой. Помню, как отец бежал за поездом, сочинский этот самый перрон» [8].

В памяти отложились эпизоды, относящиеся к внешнему облику отдельных наиболее колоритных членов семьи («У моего отца была грива такая, волосы густые и когда он вышел, у него одна фотография с волосами, он был абсолютно лысый. У него все волосы вылезли после плена» [9]), их характеру («У матери был очень себялюбивый характер. Она была красивая женщина <...> Отец очень любил мать, я Вам сказала, но мать все время пожарчики какие-то разжигала между ними, ну а, в общем, они друг в друге нуждались» [10]) и безусловным достоинствам («Дед писал стихи. Он был изумительным рассказчиком, лекции он читал так, что ребята не выходили на перерыв. Он был потрясающий рассказчик и хорошо писал обычные стихи. Вот мне он дал, да мне было 13 лет, совершенно точно. И начинался этот альбом его чудным рисунком, он прекрасно рисовал акварелью, вот то, что он открытки делал» [11]). По мнению большинства собеседников, война не внесла каких-либо существенных изменений в семейные взаимоотношения, скорее наоборот, придала им большую крепость и сплоченность: «[Война никак не повлияла на отношения между близкими?]. Нет, я думаю никак. Наоборот, мы же были все сплоченные, сбитые, боялись друг друга потерять. Нет, нет» [12]. Встречались и более серьезные эксцессы, когда в крайне тяжелой ситуации у людей сдавали нервы, и они отказывали своим близким в помощи: «Но однажды мать меня поразила, нехорошими какими-то качествами. Продукты доставал не столько отец, на его зарплату нельзя было ничего достать, сколько зарабатывала на кормежку мать, вот этими своими походами на “менку”. И мать вдруг потребовала, чтобы мы жили, да она и раньше этого требовала, чтобы мы жили со стариками отдельно, она не может всех прокормить. [Это во время войны?]. Ну конечно, она, собственно, начинала это еще и до войны, но во время войны, так сказать, решительно: “Я не могу кормить всех, меня не хватает на всех”. Я помню такой день, как-то я определила, я увидела, что бабушка Маня лежит, накрывшись, не встает, а отец с матерью о чем-то страстно, но тихо говорят, а оказывается, у бабки нет никаких продуктов, совершенно, есть нечего! И отец требовал, чтобы мать что-то из своих запасов, а она отказывается» [17].

Вместе с тем, она неизбежно сказывалась на взаимоотношениях между близкими, что находило свое отражение на характере переписки военного времени. Во многих воспоминаниях практически отсутствуют упоминания об «эпистолярной связи» с членами семьи, находившимися на фронте или в эвакуации. При том что почта, по оценкам ряда респондентов, «работала хорошо», за всю войну они «не получили и двух писем». Объяснениями тому, как правило, виделись элементарная нехватка свободного времени, которого зачастую «вообще не было», усталость, отсутствие сведений о местонахождении родных. Однако не менее весомой причиной представляется и резко обозначившаяся в рассматриваемый период времени проблема содержания письма. Письмо из довоенного средства коммуникации превращалось в опознавательный знак, символ жизни, поддержания крепости духа и надежды на то, что «в этой мясорубке ты не один, тебя где-то ждут». По словам собеседников, если и писали, то только «хорошее или из жизни»: «Да, переписка была и не только от отца. От отца получали, от соседа, который наполовину грек, получали...В основном, были это не письма, а открытки. Значит, открытка и там... ну, может быть, и письма были, я сейчас не помню. Но мы не писали, что мы умираем с голоду, что их там... Ну писали, что домой хотим, ну, вот папа нас и вызвал. А еще там наша семья в этой Георгиевке, муж с женой, и она там умудрилась родить в этой Георгиевке. Они эвакуировались муж с женой, вот она родила ребенка и с ними была ее мама. Вот ее мама умерла с голоду, не выжила. А она с мужем и ребеночек вернулись, но вернулись намного позже» [13]. «[А кто писал семья или друзья?] Семья, ну если так говорить, больше девушки писали. И у меня остались письма и мои остались, которые я оттуда посылал, со штампами, с цензурой. Моя жена сохранила. Ну а там что,

люблю, жду, целую» [14]. «Ну, писали, как мы живем, это когда немцев не было, а при немцах никакой переписке не было» [15].

Переписка затруднялось и еще одним, более прозаическим обстоятельством: низким уровнем грамотности и несформированностью у большей части населения привычки к такого рода коммуникациям: «[Скажите, а была у Вас постоянная связь с домом? Письма получали, писали?]. За полгода 2 письма. [Вам написали или Вы написали?]. И мне, и я. Они же за мной не могли ходить! Но писала, в основном, моя бабушка. Она неграмотная, печатными большими буквами пишет: “Лида!”. В отдельных случаях письма читали и писали соседи: «Одна у нас соседка была грамотная, она все письма читала. Что там недопоймет кто-то в письме, она все читала. Она была грамотная. Один класс кончила» [16].

Вместе с тем, в годы войны не только крепки, распадались, но и создавались новые семьи. О своих будущих избранниках девушки мечтали в перерывах между боями: «Как мы поженимся, только об этом было, кого мы найдем себе, чтобы был такой, как ты или кто-то, кто нравился. Ну, конечно, ухаживало много ребят, у меня даже муж летчик» [18], а юноши предпринимали более серьезные шаги: «В 1944 году дали отпуск в Ростов за умелое руководство операцией связанной с Тегераном. Командир мне говорит: “Орден тебе или отпуск?”. Мне дали и отпуск, и орден, приехал с орденом Отечественной войны. А чего приехал, вон она моя голубушка. Это 8-го июня я женился в 1944 году. [Ростовчанка?]. Да, это моя подружка мы вместе учились. [Она ждала вас?]. Ну, а как же? Мы встречались еще я в спецшколе учился. Военная форма, девчонки – это ж ой. Авторитет армии был, мальчишки такие. А я так прикинул и говорю: “Лидка, знаешь голубушка 1944 год. Дело к окончанию войны, я вот знаю, что сейчас вот-вот закончится и ринется такая масса”, а я был страшим лейтенантом, “не с маленькими тремя звездочками, а с большой одной, а то и с двумя, тут орденов и медалей. Тут женихов будет!”. Пошли в ЗАГС и расписались. Я имел права ее взять в Иран, ее в особый отдел несколько раз вызывали, а она отказалась (училась в строительном вузе)» [19].

Сохранились воспоминания и о том, как ухаживали «с ящичками шоколада» и «белыми перчатками», и какое это производило впечатление: «Я вам расскажу. Когда я приехал из Ирана к Лиечке, прежде всего, к ней зашел. А она училась в институте Ворошиловский, Энгельса и следующая улица, не помню какая, там был строительный институт, потому что-то был разрушен, там двухэтажное здание какое-то длиненькое, наверное, школа. И они там учились. К окончанию уроков пришел к ней. Это ж надо быть, сапоги, естественно шпоры серебряные, звон аж на другой улице, китель, погоны золотые, пробковый шлем, перчатки белые и стэк, а стэк это только кто ездит на лошадях, но иранский, и я купил с большой петлей. И подходя к институту, закурил сигару, золотом, золотая такая. Никогда не курил, не до, не после, но это ж, и ждал. А там, как только перемена все к окнам и девчонки. А тут такое зрелище, они ж привыкли, что каждый раз приходит такой. А это ж для них действие, потому что у них на курс было два или три пацана, потому что все ж призывали в армию, а им такое представление, пришел такой как петух разнаряженный, да еще в белых перчатках, да еще стэк с этими самыми шпорами и они кричали, потом Лия рассказывала: “Лидка, к тебе белые перчатки пришли!”. Она выходила, я брал ее портфель и домой» [20].

Выводы. Таким образом, лишь незначительная часть собранных воспоминаний свидетельствует о крайне сложном и противоречивом процессе взаимодействия самых разнообразных обстоятельств, определявших собою динамику состояния семьи и семейных отношений в рассматриваемый период времени. Значимость этой сферы частной жизни советского человека оказалась на поверку ситуативной и более напоминала «серую зону» [21], в пространстве которой регистры одобрения и осуждения, добра и зла, эстетики поступка и его этичности вписывались не столько в интерьер эпохи, сколько во внутреннюю морфологию межсемейных и личностных отношений. Нежелание многих респондентов «выносить сор» из семейной избы связывалось с пониманием того факта, что «эти некрасивые» истории могут попасть на страницы будущей книги*. В то же самое время

* Все респонденты были проинформированы о том, что конечной целью осуществляемого проекта станет подготовка и публикация монографии.

*Hawthorne effect** способствовал появлению повышенной заинтересованности рассказчиков в том, чтобы их семьи не выпадали из контекста общеизвестного знания о войне.

Примечания:

1. Респондент: Жуган Николай Павлович, 1917 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность: 77 минут. Запись 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

2. Респондент: Бирюков Владимир Ильич, 1923 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность: 60 минут. Запись 6 ноября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

3. Респондент: Мартынов Валентин Иванович, 1926 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность: 60 минут. Запись 2 ноября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

4. Респондент: Коваленко Зоя Григорьевна, 1926 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов – на – Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 123 минуты. Запись 29 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

5. Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна, 1933 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись 18 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

6. Респондент: Перетягко Василий Иванович, 1921 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 152 минуты. Запись 16 октября 2012 г.

7. Респондент: Бирюков Владимир Ильич, 1923 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность: 60 минут. Запись 6 ноября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

8. Респондент: Коваленко Зоя Григорьевна, 1926 г.р. Интервьюер: Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов – на – Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 123 минуты. Запись 29 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

9. Респондент: Тихомирова Валерия Александровна, 1925 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 130 минут. Запись 22 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

10. Респондент: Семина Виктория Николаевна, 1930 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

11. Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна, 1933 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись 18 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

12. Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна, 1933 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись 18 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

13. Респондент: Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов – на – Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 минут. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

14. Респондент: Карпенко Александр Захарович, 1921 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов – на – Дону, квартира респондента

* Условия, в которых новизна, интерес к эксперименту или повышенное внимание к данному вопросу приводят к искаженному, зачастую слишком благоприятному результату. Участники эксперимента действуют более усердно, чем обычно, только благодаря осознанию того, что они причастны к проводимому исследованию.

Продолжительность 175 минут. Запись 13 марта 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

15. Респондент: Крюкова Анастасия Леонтьевна, 1928 г.р. Интервьюер: Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов – на – Дону, квартира И.В. Пащенко Продолжительность 73 минуты (интервью производилось по скайпу). Запись 15 октября 2012 г.

16. Респондент: Крюкова Анастасия Леонтьевна, 1928 г.р. Интервьюер: Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов – на – Дону, квартира И.В. Пащенко Продолжительность 73 минуты (интервью производилось по скайпу). Запись 15 октября 2012 г.

17. Респондент: Семина Виктория Николаевна, 1930 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут Запись 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

18. Респондент: Карпеева Лидия Михайловна, 1923 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов – на – Дону, квартира респондента. Продолжительность 50 минут. Запись от 15 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

19. Респондент: Карпенко Александр Захарович, 1921 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов – на – Дону, квартира респондента Продолжительность 175 минут. Запись 13 марта 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

20. Респондент: Карпенко Александр Захарович, 1921 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов – на – Дону, квартира респондента Продолжительность 175 минут. Запись 13 марта 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

21. Термин, используемый Дж. Агамбеном для характеристики отношений, складывавшихся в лагере между жертвами и палачами, который выводит их за пределы «невозможности суждений // Агамбен Дж. *Nomo sacra*. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М., 2012. С. 20.

УДК 94 (47).084

Семья и семейные отношения в устных воспоминаниях участников Великой Отечественной войны

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Россия

344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41

Доктор исторических наук

E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена восприятию участниками Великой Отечественной войны семьи и семейных отношений. В ней рассматриваются особенности отражения в индивидуальной памяти наиболее значимой сферы частной жизни. Отмечаются воздействие хоторнского эффекта на сам процесс воспоминаний. Делается вывод о крайне сложном и противоречивом взаимодействии самых разнообразных обстоятельств, определявших собою динамику состояния семьи и семейных отношений в рассматриваемый период времени.

Ключевые слова: семья; семейные отношения; Великая Отечественная война; глубинное интервью; хоторнский эффект; «серая зона».